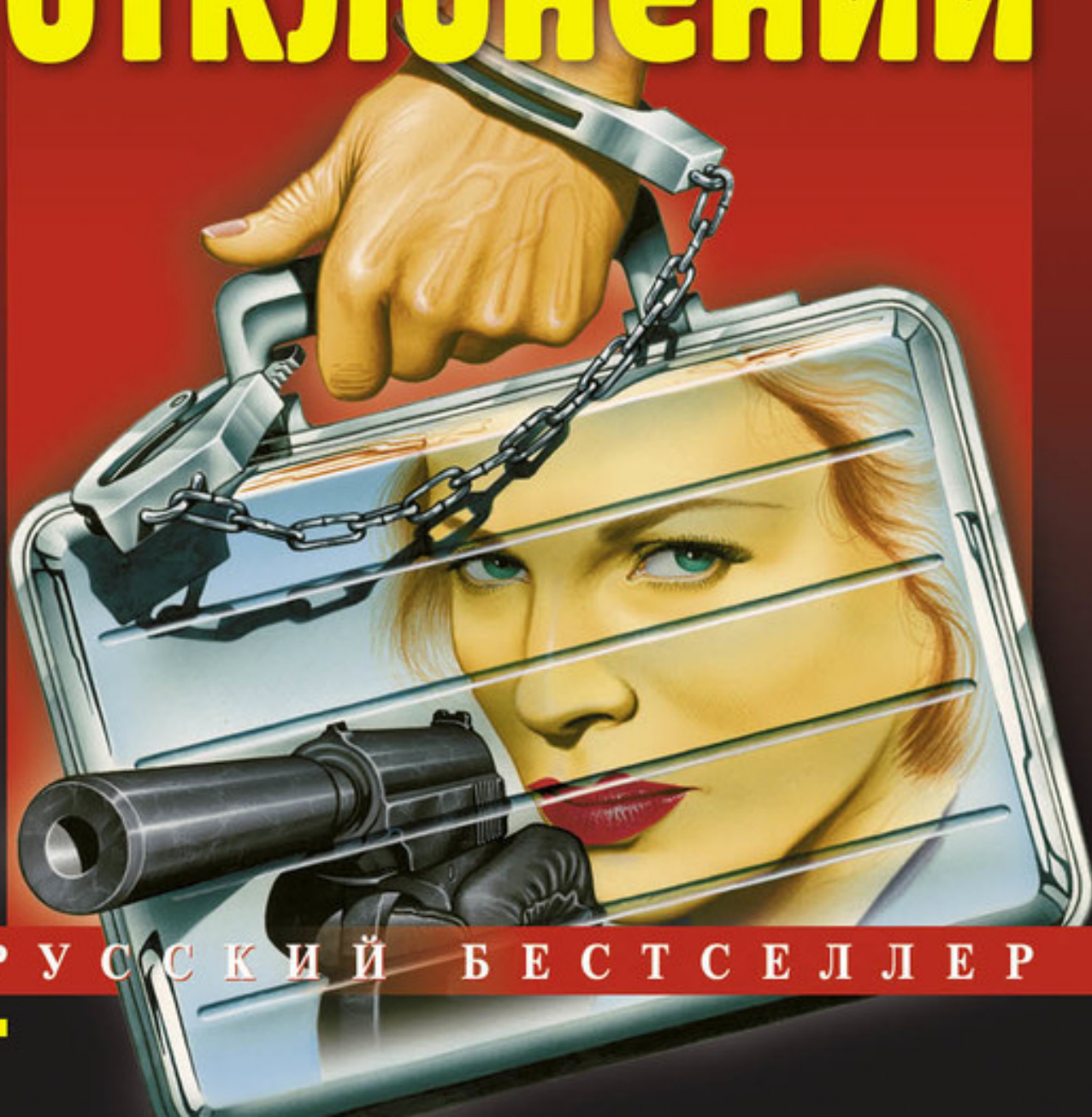

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Фабрика **ОТКЛОНЕНИЙ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Фабрика отклонений

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Фабрика отклонений / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-76578-2

По Москве прокатилась серия жестоких убийств. Жертвами преступника становились бомжи и опустившиеся алкоголики, и поначалу правоохранительные органы не сильно усердствовали в поимке душегуба. Но когда убитых стало слишком много, делом заинтересовалось высшее руководство МУРа. Расследование поручают лучшим столичным сыщикам полковникам Гурову и Крячко. Следователи долго не могут понять, зачем преступник так педантично воспроизводит один и тот же сценарий убийства. Неужели маньяк? Полицейские начинают разрабатывать эту версию, но в какой-то момент Гурова вдруг осеняет: убивает не психопат, а профессионал. На бомжах он «тренируется» – готовится к своему главному делу...

ISBN 978-5-699-76578-2

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Фабрика отклонений

Глава 1

Река в этом месте была неширока, только вот высокий левый берег заставил строителей поднять и мост на такую же высоту – пятнадцать с половиной метров, как потом указывали многочисленные журналисты, наперебой щеголяя достоверностью фактов. Следствие так и не выяснило, кто же виноват в этой трагедии: то ли водитель междугородного автобуса задремал, то ли его и в самом деле подрезал какой-то лихач, которого установить так и не удалось.

Тяжелый автобус ударился в ограждение моста, пробил его, развернулся и повис, вращая колесами над далекой серой ледяной водой. Люди с криками ужаса кинулись к передней двери и начали покидать машину. Водитель даже, говорят, помогал женщинам и детям.

Только вот Таня сидела в самом конце салона. Солидный дядька, который всю дорогу шуршал страницами журнала, к моменту трагедии задремал. Женщина стала кричать, толкать его в плечо кулачками и с ужасом смотреть на бездну под окном, на то, как пассажиры в суматохе выскакивали из автобуса, цепляясь сумками за сиденья и друг за друга. Она чувствовала, как раскачивается тяжелая машина.

Мужчина проснулся и захлопал глазами, поворачивая голову во все стороны в поисках причин волнения. Вскоре он осознал, что случилось, и, как мощный таран, бросился по проходу в сторону передней двери.

Татьяна плакала от страха, зажимая большой живот рукой, так перепугалась, что не могла выбраться со своего места у окна. Она видела давку у двери. Тот самый мужчина хватал людей за плечи и лез чуть ли им не на головы. Другой мужчина, толкая перед собой девочку-подростка, развернулся и ударил перепуганную женщину локтем в лицо.

Это было жутко, нелепо, напоминало кадры из фильма-катастрофы. Такого не могло случиться на самом деле, но беда произошла.

Тане очень хотелось жить, родить девочку. Они с мужем слишком долго ждали этого ребенка. Она, заливаясь слезами, протолкнула свое тело в проход, падая и крича, наконец-то устремилась вперед. Но многотонная махина автобуса вдруг зашевелилась со страшным скрежетом и стала проседать на один бок.

Дверь была совсем уже рядом, только пол под ногами наклонился. Татьяна упала, ободрала до крови колени. Она схватилась за поручень, а спина и ноги мужчины были совсем рядом. Стоило ему только протянуть руку!..

Таня закричала. Она никак не могла справиться со своим страхом и ухватиться за что-то устойчивое, потом все-таки уцепилась за штанину мужчины, своего бывшего соседа по сиденью. На какой-то миг ей показалось, что это спасенье, потому что он сильно рванул ногу на себя и протаскил беременную женщину сантиметров пятьдесят за собой. Вот уже и край порога. Последний метр. За ним жизнь!

Штанина вдруг вырвалась из ее ослабевшей руки, а нога ударила в лицо, лягнула, как надоедливую собачонку. Таня даже не почувствовала боли от удара, хотя по лицу сразу побежало что-то теплое и липкое.

Она вдруг поняла, что умрет! С ней погибнет и ее неродившийся ребенок. Муж так и не получит полноценной семьи, не почувствует долгожданного счастья. Сейчас вообще все кончится. Больше не будет совсем ничего! На женщину навалилась такая тоска, что боли в лице она за всем этим просто не заметила.

Автобус, разрывая металл днища, стал соскальзывать назад и чуть набок. Через миг машина дернулась и полетела вниз.

Некоторые спасшиеся пассажиры находились рядом с проломом в ограждении. Они услышали жуткий, отчаянный вопль беременной женщины, который удалялся вместе с желтым корпусом автобуса. Потом был удар об воду, от которого даже мост пошатнулся.

Опять! Снова это видение! Никак от него не избавиться. Стоило ему только закрыть глаза, остаться одному в тишине, и он слышал этот крик, полный ужаса и безумия. Мужчина ничего не помнил. Он стал забывать даже тепло ее тела по утрам, когда трезвонил будильник и вставать жутко не хотелось.

Остался только этот крик, который рвал ему внутренности страшными когтями ледящего ужаса и оставлял кровоточащие раны. Наверное, это передалось ему в момент ее смерти. Говорят, такое бывает у людей, когда они так близки душами.

Гуров проснулся от ощущения, что в доме не совсем все в порядке. Какое-то легкое беспокойство заставило его мгновенно открыть глаза. Ага, Маша рядом, солнечный свет едва пробивается сквозь плотные шторы. Кажется, они проспали! Вот еще не хватало полковнику Гурову опаздывать на работу. И по такой детской причине!..

Он повернул голову, положил руку жене на спину и тут понял, что именно не так. Маша обычно спала на животе, уютно и сладко устроившись щекой на подушке, подсунув под нее руки. Сейчас жена лежала на спине, а ее ладонь оказалась на груди.

– Маша, с тобой все хорошо? – беспокойно спросил Гуров.

– Сейчас встану, – тихо ответила жена. – Что-то... позвоночник, что ли. Аж дышать нечем. Или вчера на ночь съела что-то не то. Ты не знаешь, где поджелудочная железа располагается?

– Милая, ты что?! – Гуров подскочил на кровати и наклонился над Марией. – Может, «Скорую» вызвать?

– Не глупи. – Маша улыбнулась. – Ничего страшного. Я же говорю, что легла как-то не так. Доброе утро, полковник! – Женская рука скользнула по щетине на щеке, потрепала за ухо.

Гуров облегченно вздохнул. Что-то Маша частенько стала жаловаться на спину, начала потихоньку хандрить. Но нельзя поддаваться ее настроению, иначе дом превратится в гнездо уныния.

– Доброе утро! – Он улыбнулся как можно жизнерадостнее. – Намек понял и помчался бриться.

– Нет, – запротестовала Маша. – Сначала в ванную иду я, потом готовлю тебе завтрак, а ты приводишь себя в порядок.

Через двадцать минут они сидели на кухне за столом. Гуров уминал гречневую кашу с гуляшом и смотрел на унылую жену.

– У тебя сегодня репетиция? – на всякий случай спросил он.

– У меня? – Маша рассеянно болтала ложкой в чашке с чаем и смотрела в окно. – У меня сегодня выходной. Наверное.

– Как это? – не понял Лев Иванович. – Что значит «наверное»?

– Понимаешь, Лелька напросилась сыграть сегодня за меня. Что-то там у нее... Вот я и согласилась. Она в этом сезоне еще ни разу не играла первую роль ни в одном спектакле. А сидеть и дублировать, ждать, когда я заболею, ей хандра мешает.

– У тебя тоже хандра, – напомнил Гуров.

– Вот и посижу я дома. Буду лежать. Нет, сначала загружу стиральную машинку, а потом буду лежать, но не долго. Встану и приготовлю обед, стану смотреть на часы и, как примерная супруга, считать минуточки до возвращения усталого мужа с работы.

– Нормальная программа, – заявил Гуров, отставляя тарелку. – А то, может, врача тебе?..

– Психиатра? – с надеждой в голосе спросила Маша.
– Ну что ты, – не понял юмора Лев Иванович. – Участкового.
– Ничего не знаю, начальник, ничего не видела, – вдруг очень точно сыграла Маша. – Блатные на районе терли, а я не при делах. Не надо участкового.

Гуров рассмеялся и обнял жену.

Она тяжело вздохнула и прошептала ему в ухо:

– Чего-то я просто устала. Пройдет. Эмоционально истрепалась. Свезил бы ты жену на курорт.

– А в театре как же? У вас же самый сезон!..

– А я покапризничая немножко, и главреж сжалится. Мне же можно, я же Мария Строева.

– Ох, Маша, не нравится мне твое настроение. Давай ты не будешь мучиться, готовить обед, стирать и минуточки считать до моего прихода. Просто расслабься на денечек, поваляйся в постельке.

Маша щелкнула мужа пор носу, чмокнула в щеку и оттолкнула от себя:

– Полковник, опоздаешь. А тебя сегодня ждут великие дела. Мне сердце вещает.

Последние слова жены Гуров вспомнил, когда началась планерка. Орлов сбросил китель, а на форменной рубашке у него не было погон. Без таковых Петр из старого умного генерала полиции превратился в простого ворчливого дядьку. Когда-то такой вывод сделал Стас Крячко. Это наблюдение приятеля оказалось настолько точным, что Гуров все время о нем думал, когда видел Орлова без погон. А тут еще пришлось вспомнить и то, о чем вещало сердце Маши за завтраком.

– Лев Иванович!.. – Орлов помедлил, побарабанил пальцами по столу. – Вот что. Возьмитесь-ка вы с Крячко за одно дело. Это недалеко. Поселок Видное. Особенно лопатить не надо, местные опера и следаки сами разберутся. Мне нужно, чтобы они там не проворонили ничего серьезного.

– А что-то серьезное там наклеывается? – осведомился Крячко.

– Сами увидите. Труп у нас неподалеку, прямо сразу за МКАДом. Без кистей рук и головы. И без одежды. Не хочу, чтобы они там прозевали какого-нибудь очередного серийного маньяка.

– Я понял, – заявил Гуров. – Займемся. Какой отдел полиции? Поселок Видное?..

Орлов перебросил ему через стол лист бумаги, помолчал, что-то прикидывая, потом решительно сказал:

– Собственно, вы можете отправляться. Успехов вам.

На ходу Гуров пробежал глазами информацию о происшествии, только что полученную от генерала. Крячко шагал рядом и терпеливо ждал. Когда они вошли в свой кабинет, Гуров тут же сунул Станиславу тот самый лист и уселся на свой любимый диван у стены, из которого было видно солнце, поднявшееся над крышами.

Он закинул руки за голову, закрыл глаза и сказал:

– Ну, читай.

Крячко уселся за стол, отодвинул клавиатуру компьютера и стал изучать информацию. Он несколько раз шмыгнул носом и вопросительно посмотрел на Гурова. Лев Иванович продолжал сидеть с закрытыми глазами.

Видимо, по этим звукам сыщик понял, что его напарник закончил изучать документ, и осведомился:

– Каково твое мнение, Стас?

– Бред какой-то. Если бы это не было официальным документом, то я вообще усомнился бы в реальности данного события. На детективный роман тянет.

– Почему такой скепсис? – лениво спросил Гуров, не открывая глаз.

– Набор слишком откровенный. – Крячко пожал плечами. – Если ты потрошитель, так работай по-своему, расчлений. А тут – раздел, отрезал голову и кисти рук. Вот как бы и все. По-моему, это больше походит на ритуальное убийство или борьбу с оборотнями, вурдалаками какими-то. Голову отсекли, чтобы злодейская душа больше не вернулась в тело.

– А руки? – тут же с интересом спросил Гуров.

– Руки? Тоже, наверное, какой-нибудь ритуал есть. Я так думаю. – Крячко не удержался и коротко хохотнул. – А вообще-то, Лев Иванович, мне кажется, что тебе не очень хочется куда-то ехать. Утро сегодня замечательное, а тут!..

– Утро-то? Да. – Гуров неопределенно повертел в воздухе пальцами и открыл глаза. – Ладно, ехать все равно надо. Староваты мы с тобой для того, чтобы довольствоваться фотографиями и официальными протоколами. Нам надо увидеть, прочувствовать все самим.

– Руками пощупать, понюхать, – в тон Гурову продолжил Крячко. – Это у нас прямо-таки потребность. Разделимся или как?

– Конечно. – Гуров вздохнул. – Нечего вдвоем мотаться. Раз уж Петр так расщедрился, что предоставил мне напарника, то надо использовать ситуацию полностью. Ты езжай в местное УВД, поболтай там с опером, который выезжал на место, узнай, каково его первое впечатление. Если он, конечно, парень толковый. Со следователем и криминалистом потолкуй.

– А ты в морг? Мужественный поступок.

– Ой, Стас, перестань, пожалуйста. – Гуров недовольно отмахнулся. – А то мы с тобой за свою жизнь трупов мало видели. И таких, и других. Как целых, так и по частям. Просто есть у меня кое-какие идеи. Только сейчас ты не спрашивай ничего. Пока у меня самого не очень-то все сформулировалось. Так, на уровне интуиции.

Крячко всегда оставался самым собой. Он успел переговорить со всеми, даже получить из главка запрос на копии протокола осмотра места происшествия и результатов всех экспертиз. Гуров сомневался, что Орлов знал об этих запросах. Но, в конце концов, Петр только поворчит и пожурит Станислава. А еще Крячко подсутился и прислал за Гуровым машину из УВД, которая отвезла его на место происшествия, в поселок Видное.

Шоферы-дальнобойщики нашли труп в недостроенной, но уже заброшенной теплице. Просто случайно. Они остановились, чтобы справить малую нужду.

Гуров, видевший труп в морге, представил себе, с какой осторожностью эти многоопытные дядьки будут теперь заходить в такие вот брошенные строения. Зрелище было не для слабонервных. Оно могло до конца жизни обеспечить мужикам спазматические явления в мочевыводящих путях. Зашел бедолага в туалет, вспомнил – и впал в ступор. Лечить такие вещи приходится долго.

Рядом с Крячко Гуров увидел двух молодых людей. Один – в форме с погонами старшего лейтенанта полиции, второй – в джинсах и модной курточке с обилием застёжек-молний и карманов.

Гуров нахмурился. Душистый майский воздух никак не хотел выветривать из ноздрей запах морга. А еще он вспомнил, как во времена его молодости начальство журило оперативников за внешний вид. Если ты не в форме, то все равно чуть ли не обязан носить костюм с галстуком. Если только конкретная оперативная ситуация не требует от тебя изменения внешности в соответствии с условиями задания. Такие вот курточки очень не приветствовались тогдашним руководством.

Он молча вошел внутрь, осторожно ступая по заросшему бурьяном строительному хламу и различному бытовому мусору, который каким-то образом сюда уже успело натаскать местное население. Тоже, между прочим, отечественный феномен.

Недалеко проходила городская улица с девятиэтажными домами. В них устроены мусоропроводы. Кому взбрело в голову тащить сюда пакеты, набитые всякими отбросами? Какой в этом тайный, непостижимый смысл?

С появлением Гурова оперативники притихли, посматривали на него с нескрываемым интересом. Потом, поймав недовольный взгляд знаменитого полковника, они поспешили представиться.

– Старший лейтенант Кулаков, – четко и спокойно произнес тот, что был в форме.

– Лейтенант Рязанцев, – весело выпалил парень в легкомысленной курточке, шмыгнув веснушчатым носом.

– Рекомендую, Лев Иванович, – кивнув на молодых офицеров, сказал Крячко. – Я их притащил сюда по принципу причастности. Рязанцев в тот день выезжал на место происшествия, будучи дежурным оперативником. А Кулакову вообще повезло. Это дело ему отписано. Он работает со следователем Захарченко. Но того я пока трогать не стал. Нервный он какой-то.

– Будешь от этого нервным, – веснушчатый Рязанцев усмехнулся и посмотрел на Кулакова, как будто ища у него поддержки.

– Цыц! – коротко, тихо приказал Крячко, и молодой оперативник осекся.

– Вы, Рязанцев, покажите, как лежало тело, опишите позу и ваше впечатление от увиденного, – приказал Гуров лейтенанту.

– Лежал он вот здесь. – Рязанцев подобрал сухую длинную ветку и стал показывать, пользуясь ею как указкой. – Вот это – лужа крови, точнее, ее следы. Тут у него была... шея. А ногами вот сюда. Лежал на спине. Вот как бы и все. Впечатления? Жутковатые, конечно. Мне не понятно, как его сюда затащили. Невольно представляю, что он сам пришел и прилег передохнуть.

– Это все? – холодно осведомился Гуров. – Вам не в уголовном розыске работать, Рязанцев, а экскурсоводом по местным достопримечательностям. Одни эмоции, а факты где, выводы?

– Ты чего, Владик? – Кулаков толкнул коллегу локтем. – Ты же с криминалистами тут лазил.

Рязанцев поднял на старшего лейтенанта ясные серые глаза и с готовностью кивнул.

– Это, конечно, я так, для полного описания впечатлений, – снова стал он объяснять московским полковникам. – А выводы мы тут сделали примерно следующие. Значит, убили этого беднягу именно здесь. Или принесли мертвым, а уж тут обезглавили. Но между смертью и расчленением прошло меньше часа. Так предположил эксперт. Следов волочения тела мы нигде не нашли. Да и светло еще было, часов восемь вечера. Примерное время смерти – между четырьмя и шестью утра.

– Все? – снова спросил Гуров.

Рязанцев неопределенно дернул плечом и снова посмотрел на своего коллегу.

– Позвольте мне, товарищ полковник? – Кулаков шагнул вперед.

– Вы сюда выезжали? – удивленно спросил Гуров.

– Нет, но я знаком с материалами следствия и получил задания следователя, из сути которых...

– Тогда вы на мой вопрос ответить не сможете. Ладно, вы, Рязанцев, свободны, а вы, Кулаков, оставайтесь. Раз вы получили такое поручение, то сам Бог вам велел с нами и работать. Дело на контроле в Главном управлении уголовного розыска МВД России. Курировать будем его мы с полковником Крячко. – Тут Гуров отметил, как сник молодой лейтенант.

Сыщику даже показалось, что Рязанцев очень пожалел, что на нем сейчас эта легкомысленная курточка, а не костюм или форма.

Тут в разговор вмешался Крячко:

– Одну минуту, Лев Иванович. Я предлагаю лейтенанта Рязанцева оставить в составе... нашей неофициальной группы.

Гуров посмотрел на старого товарища и кивнул. Если Стасу вдруг почему-то показалось, что польза от этого не совсем толкового лейтенанта будет, то к этому стоило прислушаться. Крячко не вчера на свет родился, и оперативного опыта у него не меньше, чем у самого Гурова. Что-то там сложилось в голове у напарника, какая-то идея завелась.

– Хорошо, возражать не буду. – Гуров кивнул и подошел к месту, где вчера вечером лежал труп. – Теперь слушайте все. Я только что посетил морг, где осмотрел погибшего человека. Вот вам еще немного объективной информации, по которой мы можем сделать выводы. Тело очень грязное. По состоянию кожных покровов можно предположить, что мужчину уже после смерти валяли по земле, какое-то время прятали. Но есть совершенно однозначные и характерные вещи. Например, очень грязные ноги. Такими они бывают у людей, которые очень давно не мылись. Это характерные, почти черные места под щиколотками, грязь между пальцами, жуткие ногти на ногах – кстати, давно не стриженные. Засохшие потеки пота ниже ключиц и горла.

– Бомж? – тут же спросил Крячко.

– Вот-вот, – подтвердил Гуров, огорченный тем, что молодые оперативники не догадались об этом первыми. – Бомж или законченный, совершенно опустившийся алкоголик. Кому и зачем понадобилось совершать подобное?

– Случайно выбранная жертва, – тут же предположил Рязанцев.

Гуров с интересом посмотрел на молодого оперативника.

– Или бомжи между собой что-то не поделили, – добавил тот. – Я не раз видел, как они дерутся из-за остатков пива или протухшей колбасы. Страшное зрелище.

– Ну да! – Крячко хмыкнул. – Убили, а руки и голову съели. Так мы далеко уйдем. До острова Рапа-Нуи. Или до Новой Зеландии.

– Нет, а если правда? – вдруг загорелся Рязанцев. – Ритуальное убийство. Взяли первого попавшегося или такого типа, которого искать не будут, и отрезали ему, что уж им захотелось.

– Первая здравая мысль, – похвалил Гуров парня. – Заодно и первый прокол, лейтенант. «Искать не будут» подразумевают и «не найдут». А его бросили на окраине жилого массива. Да еще, судя по следам, в том месте, куда постоянно кто-то навевается.

– Полагали, что из-за бомжа полиция землю рыть не будет, – тихо добавил Кулаков. – Тоже аргумент.

– Эх, ребятки-ребятки! – Крячко сокрушенно покачал головой. – Все вами изложенное определяет лишь выбор жертвы, но не мотив убийства. А он следует из личности преступника. Вы представьте себе этого человека. Кто, по-вашему, способен на такое?

– Вот! – Гуров поднял палец. – Учитесь, ребята, у полковника, пока он здесь. Осмотр, кстати, показал, что голова и конечности отделены были чисто. Покойника не рубили топором, сжатым в трясущихся руках, не пилили ржавой ножовкой. Работа велась хорошим острым инструментом. Человек, который это делал, имел его или знал, что надо искать, и нашел. Вот вам и еще две зацепочки. Поняли?

– Так точно! – Рязанцев заметно оживился. – Бывший хирург, патологоанатом. У него и свой инструмент мог остаться. А если он и сейчас работает, то мог и из кабинета прихватить для этих целей.

– Значит, искать надо кого-то из представителей этих профессий, – поддакнул Кулаков. – В среде, где существуют специальные или подходящие инструменты.

– Ладно. Я так понимаю, что поквартирный обход уже идет. Подождем результатов, – заявил Лев Иванович. – Скажите, Кулаков, следователь уже сделал запросы по отделам внутренних дел по поводу пропажи мужчины определенного возраста и телосложения?

– Только «циркуляр» в областную сводку.

– Мало. Слушайте задачу. Вам, Кулаков, надо составить задание для участковых уполномоченных и отделений уголовного розыска этого района и всех соседних. За моей подписью. В задании отразить: пропавшие жители, отдельно бомжи и законченные алкаши, указать их адреса. По окончании поквартирного обхода передать мне отчет по результатам. Вам, Рязанцев, составить перечень профессий, обладая которыми люди, по вашему мнению, могут относительно спокойно расчленить человеческий труп. Полагаюсь на вашу фантазию. Перечислите инструмент, подходящий для этого, приложите перечень мест, где такой можно раздобыть. Советую навестить морг и ознакомиться с характером повреждений на теле убитого. Вопросы?

– Срок исполнения? – дежурным голосом спросил Кулаков.

– Завтра к девяти утра в... – Гуров вопросительно посмотрел на Крячко.

Станислав не подвел. Со свойственной ему хозяйственностью и предусмотрительностью он успел позаботиться о том, чтобы в УВД Видного им с Гуровым выделили рабочий кабинет со всеми необходимыми средствами связи.

– В кабинет номер шестнадцать вашего отделения, – подсказал Крячко. – У нас там будет временный штаб.

Когда оперативники ушли, Гуров выбрался из развалин и осмотрелся. Когда-то к месту строительства был проложен щебенчатый грейдер. Потом все забросили, но эта трасса не особенно изменилась. Потому, наверное, что по ней никто не ездил. Даже дальнобойщики, свернувшие сюда с асфальта, воспользовались куда более удобной грунтовкой, проходившей немного правее.

– Так что ты, Стас, нашел в этом Рязанцеве? – спросил Гуров. – Думаешь, что будет у нас толковый помощник?

– Ты уже и сам понял. – Крячко пожал плечами: – Кулаков – более опытный, собранный, серьезный. У него, конечно, какая-то ограниченная фантазия, зато исполнитель и аккуратен. А Рязанцев – парень поверхностный, немного легкомысленный, зато у него бурная фантазия и живой ум. Его нельзя выпускать из ежовых рукавиц, надо иногда и похваливать, мотивировать, тогда парень и побеждает. Видишь, как он предложения начал накидывать.

– Стас, а почему собака не взяла след?

– Собака? А я про нее тебе и не говорил еще. Не взяла, точно. Покрутилась на щебенке и ничего не унюхала. Криминалисты прошли по грейдеру до самого асфальта, но там, конечно же, нет никаких следов протектора. У меня зреет ощущение, что этот гаденыш рассчитал все, почти до мелочей.

– Вот именно, что почти. На сто процентов практически невозможно все предусмотреть. Вот мы с тобой и будем ловить его на этих мелочах. Главное для нас – не ошибиться, не пропустить настоящего серийного маньяка за этими глубокомысленными рассуждениями.

Когда он это вспоминал, у него непроизвольно начинали дрожать от ненависти руки. Это был нездоровый озноб. Раньше он такого за собой не замечал. Наверное, потому, что это была его мать, то святое, на которое никому не позволено поднимать руку. За мать он готов был убить любого, тем более такого упыря!..

Это было восьмого марта. И с тех пор женский праздник стал для него одним из самых ненавистных дней в году. Да, стал, но чего ему стоило всю оставшуюся жизнь скрывать это от матери. Хотя у нее тоже остались не совсем радужные воспоминания. Вот так они с тех пор и живут, скрывая друг от друга то, что помнят, что у каждого болит.

Тогда он пришел без предупреждения, потому что хотел сделать матери сюрприз. На работе к празднику выдали премию не только женщинам, но и мужчинам. Мудрое руководство решило, что представителей сильного пола тоже следует поддержать. Ведь им нужно покупать подарки своим любимым.

Он так и поступил. Купил роскошный букет в цветочном магазине, бутылку настоящего французского шампанского за полторы тысячи рублей.

Как она должна была обрадоваться! Он открывает дверь своим ключом, тихо входит, заглядывает в спальню, если мама еще не встала, или на кухню, если она уже хлопочет там. Сын представил, как прислонится щекой к дверному косяку и будет смотреть на нее. Собранные в узел рано поседевшие волосы, любимый голубой халат, хорошо знакомое родимое пятно на шее под ухом.

Все в ней было родное, с детства знакомое. Смотреть исподтишка на маму было для него возвращением в далекое счастливое детство. В те времена она была вообще единственным близким человеком на земле. Он стал взрослым, надолго покидал родной дом. Потом у него появилась своя квартира, но он все равно с грустью вспоминал маму. Как она готовит на кухне, вешает гардины, вяжет перед телевизором под ее любимым торшером.

Он вошел и сразу услышал раздраженные голоса. Что за?.. Не разуваясь, сын прошел к двери и увидел, как...

Нет, отчимом он его никогда не называл и даже не думал о нем в таком качестве. Какой он отчим! Приходящий муж, любовник матери. Своложь, пользующаяся тем, что женщина его любит. А ведь даже мама не знала, что этот вот скот, скорее всего, тогда в автобусе Таню...

Не точно, но кое-кто что-то видел. Ведь не спаслась только она, единственная из всех пассажиров. Не важно, что они не были знакомы. Ведь на ее месте могла оказаться любая беременная женщина. Доказательств не было, только подозрения и тихая ненависть, доходящая до бешенства, которую приходилось скрывать от мамы. И ради нее.

А сегодня этот тип был у мамы с самого утра. Наверное, тоже решил сделать подарок. И как всегда, у него все получилось нелепо. Они из-за чего-то поссорились. Или он стал предъявлять какие-то претензии.

В тот момент, когда сын вошел, этот скот ударил маму. Причем подло: раскрытой ладонью по голове, чтобы синяков не осталось. Но удар был настолько сильным, что мама как подкошенная рухнула на диван и потеряла сознание. Или это был обморок из-за расшатанных нервов?

Их глаза встретились!

– Ах ты, сука! Ты на кого руку поднял, мразь!

– Это ты? Чего разорался? Бывает, что люди ссорятся. Все это женские штучки, ничего с ней не делается. Подумаешь, обморок.

– Что-о? Люди?.. – зловеще прозвучал голос разъяренного сына. – Это ты человек? Ты мразь, гнида, скользкая тварь. Ударил, паскуда, мою мать. Убил жену вместе с ребенком!

– Чего ты мелешь? Кого я убил?

Но было понятно, что он что-то такое помнил, потому что мгновенно побледнел. Может, интуитивно почувствовал свою гибель. В глазах сына этой женщины не было ничего, кроме лютой ненависти и ледяной смерти.

– Автобус на мосту забыл? – подходя все ближе и ближе, говорил сын. – Беременную женщину забыл, которую отпихивал ногой? Она вместе с автобусом упала в реку. А в ней был мой ребенок. Он умер, не родившись. А ты живешь и продолжаешь гадить. Сдохни, упырь!

Он ничего не планировал, хотя нельзя сказать, что действовал при полном помутнении рассудка. Нет, он хотел убить, воспользовавшись тем, что первое подвернулось под руку. А может, его мозг машинально все спланировал.

Шнур от багетки сам оказался в руке, мгновенно обмотался вокруг этой ненавистной шеи. Руки давили и давили. Сознание наслаждалось ощущением того, как дергалась в его руках самая ненавистная тварь на свете. Он наконец-то добрался до той самой шеи, которую уже много лет хотел вот так сдавить.

Потом тело обмякло. Труп смотрел в потолок одним приоткрытым глазом, а изо рта торчал быстро синеющий язык. Мысли неслись в голове, как бешеные кони, разбрасывая пену с удил. Пока мать в обмороке, все надо сделать убедительно. Так будет лучше прежде всего ей. Ее надо пощадить.

Он быстро сделал петлю, забрался на шведскую стенку, которая осталась в их квартире со времен далекого школьного детства, и на верхней перекладине закрепил шнур. Потом, напрягая мышцы, стискивая зубы, он втащил тело наверх, просунул голову покойника в петлю и отпустил. Постояв с минуту, он прошел на кухню, взял нож и перерезал веревку. Тело с противным стуком упало на пол.

Потом он так же хладнокровно набрал номер на мобильнике и сообщил, что по такому-то адресу сейчас находятся женщина без сознания и повесившийся мужчина. Потом сын стал приводить мать в чувство.

Она сильно кричала, когда узнала о том, что произошло. Сын успокаивал ее, как мог, убеждал, что ее так называемый муж повесился, пока он бегал за «Скорой». Мать была в таком состоянии, что, наверное, и не сообразила, что сейчас никуда никто не бежит, чтобы вызвать «Скорую». Теперь у каждого человека телефон в кармане.

Он до сих пор не знает, поверила мама в это самоубийство или нет. Они просто не говорят об этом. А восьмого марта он приходит рано утром, чтобы в такой ужасный для нее день мама не оставалась одна.

Они делают вид, что несколько лет назад ничего особенного не случилось. Один мужчина с нездоровой психикой вдруг ударил ее во время ссоры, а потом увидел, что женщина не шевелится, и покончил с собой. У психопатов такое бывает.

Что он испытывал все эти годы, вспоминая тот день? Ощущение мерзости на руках и удовлетворение одновременно. Он раздавил гадину, убил ее. Ужасно, что это произошло почти на глазах матери. Она может подозревать сына в этом убийстве.

Страшно так, что руки начинают трястись. Да, жутко, но хорошо. Мир стал чище. Постепенно исчезала вина перед женой и неродившейся дочерью.

Глава 2

Гуров вышел из машины, махнул водителю и первым делом посмотрел на окна своей квартиры. Это вошло в привычку за долгие годы. Спит Мария или нет? Один взгляд, а сколько эмоций!

Понять полковника Гурова мог только оперативник, лишь тот человек, который большую часть своей жизни возвращался домой после двенадцати ночи. Свет в окне всегда означает многое. Прежде всего то, что тебя ждут, беспокоятся о тебе, в ущерб сну хотят, чтобы ты хорошенько поужинал, и обязательно горячим.

Только самый близкий человек знает, что тебе после трудного дня нужно немного тепла, короткая разрядка, переход из мира зла, насилия, преступников и сильных мужиков, твоих коллег-оперативников, в мир тепла, уюта и доброты. Требуется плавный переход, иначе все это напряжение ворвется в дом, нарушит баланс эмоций. А если у мужчины и в доме будет напряженная атмосфера, то зачем ему такая жена?

Но у этой, извините, медали есть и вторая сторона – невольное чувство вины за то, что близкий человек не спит из-за тебя. У него тоже есть работа, он устает не меньше тебя, но остается на посту.

Потом появляется третье ощущение – покоя. Как же это хорошо, когда в семье каждый стоит на своем посту, оба охраняют свой маленький, но такой большой мир. Каждый по-своему, ежедневно, ежечасно, любым поступком, словом, иногда и просто взглядом.

Лев Иванович знал, что он сейчас поднимется в квартиру. Они с Марией обменяются несколькими малозначительными фразами, но очень даже серьезными взглядами. Их будет достаточно для того, чтобы понять, что у другого все хорошо, он жив и здоров.

Можно, как уже заведено годами, сесть на кухне под абажуром, налить чаю и тихо пошептаться ни о чем. О Лельке, которая опоздала к началу спектакля, и вся труппа выкручивалась в первом акте. Благо играли не классику, которую каждый зритель знает наизусть.

О Марине Владимировне с первого этажа, которая привела себе мужика и теперь ходит, гордо задрав голову, хотя все злые языки в подъезде знают, что он женат и живет на соседней улице.

Про Петра Орлова, который постоянно передает Маше приветы. Генерал давным-давно обещает ей наконец-то прийти на какую-нибудь премьеру.

В квартире было тихо. Гуров включил свет, разулся, прислушался, а потом быстрым шагом пересек прихожую и буквально ворвался в гостиную. Маша сидела с ногами в кресле, закутавшись в плед. Глаза ее были закрыты, а лицо искривила гримаса притихшей боли. Лев Иванович сразу же отметил, что грудь жены под пледом мерно поднимается и опускается. Значит, она просто задремала, у нее что-то заболело, но уже прошло.

Маша вдруг открыла глаза и улыбнулась одними уголками губ:

– Прости, я сейчас. Просто что-то... или желудок, или сердце прихватило.

– Маша! – Лев Иванович схватил жену за руку, ощутил, что она теплая, что пульс под большим пальцем трепещет, как птичий хвостик. – Милая, я вызову «Скорую». Не нравится мне это все. Ты ведь второй день хандрить. А вдруг что-то серьезное? Не дай бог, ты инфаркт на ногах переносишь!

– Это ты загнул. – Маша попыталась улыбнуться. – Инфаркты, они, знаешь ли...

– Они всякие бывают, – строго отрезал Гуров. – Так, давай-ка мы реализуем другую идейку, которая немного получше. Я сейчас Жорке позвоню.

– Кто такой Жорка? Я не слышала о нем от тебя.

– Сердечных дел мастер, – проворчал Гуров, роясь в «записной книжке» своего мобильного телефона. – Где-то он у меня тут был. Очень хороший врач-кардиолог. Я его знаю сто

лет, а вот пару недель назад случайно встретились, телефончиками обменялись. Так, вот он! Правда, время – почти час ночи. – Гуров поморщился, глядя на настенные часы, ободряюще посмотрел на жену и набрал номер.

К его огромному удивлению, ответили ему сразу. Мужской голос был отнюдь не заспан-ным или недовольным поздним звонком. Или очень ранним. Это уж кому как.

– Да, слушаю. – В ответе читались деловые интонации.

При этом слышны были и другие мужские голоса.

– Георгий Николаевич! – на всякий случай вежливо начал Лев Иванович. – Ничего, что так поздно? Это Гуров.

– Лев! Ешкин кот! Ты чего не спишь? Вот уж не ожидал услышать тебя в такое время.

– Жора, ты извини, но у меня дело важное. Я не разбудил тебя?

– Я в клинике на дежурстве, Лева. На посту, так сказать. А что случилось?

– Понимаешь, Жора, у жены проблемы. Второй день уже прихварывает. Ей не лучше, а даже хуже. Я беспокоюсь, что это по твоей линии.

– Сердечко? Ну-ка, изложи внятно, с примерами, подробными описаниями и жалобами жены.

Гуров стал рассказывать, как он все это видел со стороны. Маша сердилась, несколько раз пыталась вмешаться. Но вскоре она успокоилась и решила помогать, стала шепотом подсказывать свои ощущения. Потом все замолчали, и секунд тридцать стояла тишина.

– Ты «Скорую» решил вызывать? – наконец-то спросил кардиолог.

– Собирался. Сам понимаешь, что страшно пускать такое дело на самотек.

– На самотек не стоит. Вот что, Лев, супругу твою надо осмотреть. И чем скорее, тем лучше. Признаки и симптомы, которые я от тебя услышал, могут, конечно, не говорить ни о чем, но обследоваться в любом случае надо, даже если ничего страшного и нет. Давай так, я вышлю к вам машину со специалистом...

– У вас есть своя «Скорая помощь»? – удивился Гуров.

– Конечно. Я представляю серьезную частную клинику. Мы оказываем полный спектр услуг в области кардиологии. А ты... все еще полковник, да?

– Полковник, а что? Ниже чем к генералу у вас «Скорая» не ездит?

– Ездит ко всем. Понимаешь, Лев, я ведь тут не хозяин и бесплатно сделать этого не могу. А цены у нас...

– Да понял я все, не волнуйся. – Гуров даже попытался рассмеяться. – Нет проблем.

Машина пришла через пятьдесят минут. В квартиру вошел молодой улыбчивый врач в очках в сопровождении очень серьезной грузной медсестры. Они какое-то время колдовали с переносным кардиографом, еще с какими-то приборами.

Гуров сидел на кухне и уныло смотрел в окно на ночной город.

«Вот, – думал он, – приходит такое время, когда, кажется, все бы отдал за то, чтобы не случилось несчастья. Чтобы проблема оказалась мыльным пузырем. Ведь человеку для полного счастья нужно очень мало – чтобы близкие, родные люди были живы и здоровы, чтобы ничего не менялось в жизни в плохую сторону. А еще надо понять и то, как мало нужно для ощущения несчастья. Вот лишь намек на болезнь, а ты уже нарисовал в голове такие мрачные картины, готов молиться, чтобы все обошлось».

– Лев Иванович! – раздался бодрый голос доктора.

Гуров сорвался со стула и кинулся в гостиную. Маша грустно улыбалась, поправляя халат, доктор складывал ленточку электрокардиограммы.

– Лев Иванович, Иноземцев велел мне вашу супругу забирать к нам.

– Что-то серьезное? – насторожился Гуров.

– Как вам сказать. Собственно, ваш пересказ по телефону и наш первый осмотр показали, что это не инфаркт и не... Одним словом, особо страшного ничего нет. Но есть из-за чего

и беспокоиться. Всех причин и всей глубины проблемы вот так, на ходу, не выявить. Самочувствие у пациентки не ахти, оставлять ее дома без возможности быстрой профессиональной помощи я бы не рекомендовал. У нас хорошая клиника, великолепные диагносты и самое современное оборудование. А в вашем случае главное – разобраться, что же приключилось. Я вот пока не берусь со всей определенностью поставить диагноз.

– Маша, не спорь. – Гуров строго посмотрел на жену, видя, что она сейчас начнет капризничать. – Я Георгию верю, и врач вот говорит то же самое. Надо ехать, а то с сердцем шутки плохи.

Сборы были быстрыми. Клиника не требовала от пациентов ничего, предоставляла все необходимое, от постельного белья и тапочек до зубных щеток и других средств личной гигиены. Сервис!

Через час они уже были в Чертаново и подъезжали к группе невысоких зданий за общим металлическим забором. Из недалекого Битцевского парка тянуло прелью и молодой липкой березовой листвой.

Георгий Николаевич Иноземцев, невысокий плотный мужчина в больших очках, с удовольствием познакомился с Марией Строевой и сразу стал отдавать распоряжения персоналу. Машу немедленно повели в отдельную палату на втором этаже, а Гурова главный врач попросил задержаться.

– Потом сходишь и поглядишь, как она устроилась. А пока давай поговорим. Самое главное, чтобы ты понял, Лев Иванович, что обследование нужно проводить полное. Ни ты, ни твоя супруга не можете гарантировать, что нет обменных нарушений, что не началась гормональная перестройка организма, что, в конце концов, не появился диабет. Чем серьезнее обследование, тем лучше результат, точнее диагноз, эффективнее лечение. В таком возрасте еще вполне можно добиться отличных результатов, чтобы не думать о возможной беде. – Врач откинул голову и с удовольствием засмеялся.

Гуров уже заметил, что Жора Иноземцев все делал с удовольствием.

«Везет же людям! – думал сыщик. – Они живут и работают с удовольствием. Мало кто может похвастаться таким сочетанием, и тем более оптимизмом».

– Жора, а что ей можно привозить?

– Лев, ну ты даешь! – Иноземцев от избытка чувств хлопнул себя ладонями по бедрам. – Мы в какой век живем, полковник? Ты небось про апельсины, бананы подумал. Ага, ряженку еще, творожок привези. Да все у нас есть. Обслуживание по высшему разряду. В том числе и полностью сбалансированное питание в соответствии с показаниями специалистов. Забудь! Хочешь навещать – ради бога! Я даже отдам негласное распоряжение, чтобы не придирались и пускали в любое время дня и ночи. Ну, учитывая твою профессию. А если решил просто жену побаловать, то вези все что хочешь, но в меру!

Генерал Орлов слушал сыщиков, стоя у окна и глядя на улицу.

«Почему вот так получается? – думал он. – Ждешь эту самую весну, надеешься на какие-то позитивные изменения, а она преподносит вот такие сюрпризы. То ли у нас от юношеской поры осталось в душе ожидание чего-то вместе с весной, то ли вообще в характере человека заложено стремление радоваться наступлению тепла и пробуждению природы. А может, мы стареем и слишком обостренно переживаем неприятные сюрпризы? Казалось бы, с возрастом люди должны становиться терпимее, спокойнее, а я вот злюсь, нервничаю».

Орлов обернулся и посмотрел на Гурова и Крячко. Лев Иванович, как всегда в такие минуты, сосредоточен, даже немного хмур. Весь в проблеме, в работе. Он старается сделать доклад коротким, точным, сразу подать свое видение, чтобы у начальства было меньше вопросов. Постарел Гуров, это заметно. Куда девались его пыл и азарт?! А вроде подполковник Орлов совсем недавно познакомился в МУРе с молодым капитаном Гуровым.

А Крячко почти не изменился. Нет, годы, конечно, оставили свой след и на его внешности. Но Стас по-прежнему смотрит на мир снисходительно, готов пошутить по любому поводу, взяться за какое угодно дело без тени неудовольствия. Сыщик, матерый опер.

Если Лев Иванович – интеллектуал от уголовного сыска, то Станислав – олицетворение того прошлого, когда еще не существовало общей базы данных, компьютеров, мобильных телефонов. В те времена сыщика выручали лишь ноги, собственная память, опыт и личные качества. Крячко может найти общий язык с любым человеком, наладить контакт, разговаривать, не выдавая собственной принадлежности к уголовному розыску.

Какие же они разные, старые друзья, с которыми Орлову посчастливилось проработать столько лет бок о бок. Сначала в МУРе, потом здесь – в Главном управлении уголовного розыска МВД России.

– Странно, но поквартирный обход в районе обнаружения трупа ничего не дал, – вставил Крячко свое замечание.

– Да не странно, Стас, нисколько, – тут же возразил Лев Иванович. – Хитер он, опытен. Умеет делать так, чтобы не бросаться людям в глаза. Да и по времени смерти получается, что тело преступник затащил в этот чертов птичник еще затемно.

– Ты уже делаешь выводы о его личности, Лев Иванович? – с сомнением спросил Орлов и вернулся в кресло за рабочим столом. – Не рановато?

– Я тоже полагаю, что мы имеем дело с ненормальным, который досыта наигрался в компьютерные игры или посмотрел западных триллеров, – заявил Крячко.

– Нет, Петр просто не окунулся в это дело и потому не видит очевидного, – возразил Гуров, просмотрев на Крячко с укором. – А ты, Стас, приспособленец и лизоблюд. Начальственный подпевала.

– О как!.. – Крячко рассмеялся.

Орлов тоже улыбнулся этой выходке Гурова. Сейчас Лев Иванович просто разрядил обстановку и вывел всех из мысленного ступора. Открыл, так сказать, всем чакры. Теперь он начнет вдалбливать очевидное. Даже искорки смеха в глазах заблестели.

– Смотрите сами. – Лев Иванович откинулся на спинку кресла и стал загибать пальцы. – Труп оставлен под утро, время самого крепкого сна, в таком месте, где его заведомо очень скоро найдут. Вспомните эти пакеты с бытовым мусором однодневной давности. Туда каждый день кто-то бросает всякую мерзость, а значит, место посещаемое. Второе: он сразу не причинил убитому никаких телесных повреждений, чтобы ни в коем случае не осталось следов крови ни на одежде, ни в машине. Не на своей же спине он тащил туда тело. Третье: обилие крови, вытекшей на землю. Убийца намеренно спустил ее, здраво рассудив, что, расчленив тело, он может забрызгаться. А обескровленное тело...

– Понятно, давай дальше, – поторопил Гурова Орлов и с неудовольствием посмотрел на часы.

– А дальше вообще все логично, – Лев Иванович развел руками. – Зачем преступник отделил голову и кисти рук? Он пытался помешать нам установить личность убитого. Тот наверняка числится в базе данных МВД. На него есть дактилокарта. Кстати, это еще один признак того, что убийца не был знаком со своей жертвой.

– Достаточно срезать подушечки пальцев, – с интересом в глазах вставил Орлов.

– Вот! – многозначительно заявил Лев Иванович. – И мы сразу догадываемся, чего хотел этим добиться преступник. А так вполне можно до бесконечности ломать голову, размышлять о ритуальных убийствах, психических отклонениях и тому подобном. Это запутывание следствия и розыска, ребята. Сознательное, продуманное!

– Одно непонятно. На хрена ему было убивать бомжа? – проговорил Крячко.

– Чтобы полковник Крячко убедил генерала Орлова в том, что неподалеку от Москвы нарисовался психопат, настоящий маньяк, – парировал Лев Иванович и гордо посмотрел на друзей.

– Беда! – Орлов с улыбкой качнул головой. – Не учел паршивец, что нарвется на полковника Гурова. Знал бы, не затевал бы всего этого. Допустим, убедил. Давай дальше. Зачем твоему хитрому преступнику понадобилось убивать бомжа или алкаша? Ведь тот ему не знаком, у них нет взаимных претензий, они ничем не мешали друг другу?

– Вот это самое слабое место, – заявил Гуров. – Есть мотив – имеется и подозреваемый. У нас его нет. Кстати, преступник как раз мог на это и рассчитывать. Но зачем же он убил?

– Выскажу самое главное предположение, в котором мы с Львом Ивановичем солидарны, – вставил Крячко. – Это преступление совершено для того, чтобы скрыть какое-то другое. Но какое именно, где и когда оно совершено?

– Или только готовится, – буркнул Гуров.

– Но-но-но! – Орлов погрозил пальцем. – Вы мне это прекратите. Готовится!.. Вы еще предложите мне подождать, а потом проверить правоту своих суждений. Давайте-ка от теории вернемся к практике.

– Собака след не взяла, – задумчиво глядя куда-то в сторону, сказал Гуров. – Значит, чем-то он отбивал свой запах. Дорогу с щебенкой выбрал умышленно, потому что на ней не остается следов, которые можно идентифицировать. Единственная зацепка – это перетрясти всех алкашей и бомжей в соседних районах Подмосковья. Не думаю, что преступник вез тело из Наро-Фоминска или Дубны. Кто-то мог видеть, слышать. Короче, мы разослали задания всем оперативникам и участковым по этим районам.

– Я бы все-таки не стал дразнить начальство, – с ухмылкой сказал Крячко. – Я бы разослал циркуляр и по Москве, и всем районам Подмосковья. Нас не поймут, если рамки наших интересов окажутся такими узкими. С Петра спросят.

– Это уж точно, – согласился Орлов. – Спасибо, Стас, за заботу. Один ты меня понимаешь.

– Пожалуйста. – Крячко пожал плечами. – Обращайся, если что.

В кабинете Гуров первым делом открыл окно. Городской шум ворвался в помещение, напомнил, что жизнь идет своим чередом, что многомиллионный город дышит, работает, отдыхает.

– Давай-ка, Станислав, кофейку дернем, – предложил он. – Взбодрим мозги и почитаем, наконец, в спокойной обстановке акт вскрытия. Ты забрал копию?

– Забрал, – включив чайник и расставляя чашки, отозвался Крячко. – А что же ты у Орлова в кабинете не стал этим актом размахивать. В нем есть убедительные вещи.

– Убедительные вещи нам нужны для работы. А Петру ими голову забивать нечестно. Он хотел быть в курсе дела и получил свое. На остальное у него все равно времени нет. – Гуров наконец-то уселся на свой любимый диван, закрыл глаза, на его лице появилось выражение удовлетворения. – Вот ты мне скажи, Станислав, почему так получается? Все мы заняты делом, стараемся кипеть на работе, многое успеть. Спроси любого в этом здании, и каждый ответит тебе, что он двумя руками за то, чтобы в сутках было двадцать шесть часов. Или даже тридцать. Но при всем при этом каждый норовит в своем кабинете поставить диванчик и предпочтет устроиться на нем, а не в рабочем кресле за столом.

– Легко! – с энтузиазмом отозвался Крячко, разливая по чашкам воду из вскипевшего чайника. – Все, кого ты спросишь, соврут тебе прямо в глаза. Человек – по натуре тепло и позер. Если можно не работать, то почти все сознательные граждане и не будут этим заниматься. Если можно проявлять трудовой героизм сидя и лежа, то большинство и будет работать лежа. Это аксиома, то бишь утверждение, не требующее доказательств.

– Эка ты о людях! – Гуров покачал головой. – Нет, Станислав, человек – это...

– А я вот сейчас акт вскрытия тебе вслух почитаю, – ласково сказал Крячко, ставя чашки с кофе на журнальный столик рядом с диваном. – Ты послушаешь, а потом мы вместе станем умиляться человеческой сущности, эдакой милой, непосредственной и изначально доброй.

– Погоди, – Гуров нахмурился, – не надо всех мерить одним мерилом.

– Вот и я о том же, – заметил Крячко. – Я давно замечаю, что этот диван тебя в философию погружает, причем барскую и никчемную. Выкину я его когда-нибудь.

– Черствый ты человек, Станислав, – проворчал Гуров. – Не романтик!

– Отчего же, сейчас я с выражением почитаю акт вскрытия. Могу добавить в голос романтики.

– Ладно, понял. – Гуров махнул рукой. – Давай к делу. Где твой акт?

Крячко, не вставая, дотянулся до края стола, где лежала папка, разложил ее на коленях и нашел акт. Он пробежал глазами по тексту и отыскал место, важное для их работы.

– Вот то, что нам надо. Мягкие ткани отделялись острым инструментом, возможно, хирургическим. Разрезы наносились торопливо, но минимальным количеством движений. Понимаешь? То есть этот умелец не кромсал, а аккуратно и хладнокровно отделял мягкие ткани.

– А кости?

– А вот кости у нас... да, перепиливались. Зубчатым инструментом хорошей закалки. Не медицинским, каким-то подручным, но весьма подходящим.

– Ну, в общем-то, я согласен с описанием. Видел я эти надрезы и надпилы. Ты можешь что-то предположить? – Гуров задумчиво посмотрел на напарника.

– Я их не видел, но, судя по резюме – это очень острый нож из хорошей стали и пила. Хотя...

– Ага, засомневался! – заявил Гуров. – Это правильно. Ты представь себе все в нужном порядке. Преступник сперва пользуется ножом, потом пилит кость. Он, Стас, обязательно заденет края мягких тканей, вот что важно. Не ширкал там никто пилой.

– А как?

– Вот и я не знаю как. – Гуров развел руками. – Сдается мне, что там использовался какой-то не совсем обычный инструмент, хотя и с зубьями, как у пилы. Тут патологоанатом ошибиться не мог.

– Специальный инструмент, – повторил в задумчивости Крячко. – Ну, может быть. Хотя опять все говорит о правоте твоего предположения. Хитрый тип, который все до мелочей предусмотрел. С другой стороны, у психически больных иногда и не такие завихрения бывают в мозгах. Иной раз им и профессор от криминалистики позавидует.

– Нет, Стас. Отдельные ходы у психически больных иногда бывают на грани гениальности. Но так организовать преступление, предусмотреть каждый свой шаг!.. Я бы сказал, что тут действовал профессионал. Например, бывший полицейский. Как раз с большим опытом в области расследования самых кровавых убийств.

– Ладно, сгодится как еще одна рабочая версия. Вопрос в том, как мы ее будем отрабатывать. Бывших полицейских по Москве пруд пруди. А если он приехал издалека, то искать именно по этому признаку – гиблое дело. Но заметочку себе в голове оставим, когда будем отрабатывать связи погибшего. Давай обратимся к кое-каким прошлым нашим делам. Например, к тому, по которому ты в свое время в Саратов ездил.

– Дело черных хирургов? Не вижу связи.

– Почему же? – возразил Крячко. – Связей хоть отбавляй. Специальный инструмент, например. Ты ведь не исключаешь такой возможности, что эти люди даже изобрели и изготовили специальный инструмент? Из соответствующей стали, с хорошей закалкой, строго определенной заточкой.

– В таких условиях извлекать органы? – с сомнением спросил Гуров. – Это нереально. Антисептика! Микробы! Грязь. Они должны были сначала в стерильных условиях его выпотрошить, а уж потом выбрасывать тело. Да и органы бомжа или алкаша не являются особой ценностью. Скорее наоборот.

– А если это чисто проверка инструмента? – продолжал настаивать на своем Крячко. – Испытания? В морге нельзя, там свидетелей полно. На мясных складах тоже. Там любая служба безопасности сразу засечет и пришьет попытку кражи. А тут – милое дело. И инструмент опробовали, и полицию на ложный след навели. Чистая работа. Убедились, что режет, пилит.

– Натяжки, Стас! – возразил Гуров. – Зачем изобретать инструмент, когда в хирургии все давно сделано. А если добычей органов решили заняться люди, далекие от хирургии, то у них ничего не получится. Сам подумай. В наше время не раздобыть такой ерунды, как хирургический инструмент?

– Ладно, с экзотикой не получилось. – Крячко хмыкнул. – А как насчет сокрытия следов преступления путем убийства невольного свидетеля. Антураж создан опять же с целью нас запутать и навести на ложный след. Бомж мог видеть все, что угодно.

– Только не квартирную кражу или другую мелочь. Вот тут я согласен, Стас, надо в план работы вставить задание ребятам порыться в сводках и выбрать значимые преступления. Может, где-то рядом бомжи и крутились. – Гуров замолчал и пристально посмотрел на Крячко: – Слушай, Стас, а ты помнишь, лет десять назад было у нас с тобой дело?..

– Черная вдова?

– Точно, ты так назвал тогда Караваеву, кажется.

– Помню. – Крячко почесал затылок. – Думаешь, есть некая аналогия?

Оба хорошо помнили это дело, потому что тогда сыщики столкнулись с совершенно непостижимой ситуацией. Спустя пятнадцать лет женщина разыскала человека, который совратил ее несовершеннолетнюю дочь. А потом на семейном совете они решили оставить ребенка беременевшей девочки, чтобы не уродовать организм абортами. Слишком велик был срок, когда они спохватились.

Дочь умерла при родах. Мать пятнадцать лет потратила на то, чтобы разыскать негодяя и убить его. Правда, тогда случилось еще кое-что неприятное, но суть была примерно такова.

– А почему нет? Необязательно беременная дочь, но принцип может быть тот же. Нечто некрасивое, содеянное в далеком прошлом. Я бы сказал даже, что преступное. А потом нашелся человек, который решил отомстить. Он сделал это сам, причем в таком страшном виде, потому что вина была не менее ужасна. Может, мститель просто нанял профессионала, который вот так с выдумкой, творчески подошел к исполнению заказа. Может такое быть?

– Ладно, – согласился Крячко. – Пороемся в прошлом погибшего, когда нам повезет установить его личность. Кстати, Лев Иванович, тут ты мог и в точку попасть. В свете этой гипотезы вполне объяснимо выглядит и труп, изуродованный до неузнаваемости. Перестраховка. Чтобы не узнали и не порылись в прошлом. Дополним наш план работы и этим направлением.

Пули ударились в камни, лежащие вокруг, и с тошнотворным визгом уходили куда-то вверх. В лицо и по рукам били осколки валунов. Но думать о них было некогда.

Спецназовцы крутились, как ужи на сковородке, и били короткими точными очередями то в одном направлении, то в другом. Боевики прорывались со всех сторон группами по три-четыре человека. Несколько раз чудом удавалось предотвратить бросок ручной гранаты.

Майор Игнатъев был ранен уже во второй раз, но упорно продолжал стрелять. Каждый ствол был на счету, потому что бандиты зажали группу в каменистом распадке и отходить теперь было некуда.

– Леха! – крикнул Игнатъев лейтенанту Ломакину. – Иди сюда!

Лейтенант броском преодолел простреливаемое насквозь пространство и упал рядом с командиром. Кровь из рассеченной щеки заливала лицо молодого офицера, глаза лихорадочно блестели. Парень стал похож на какого-то вурдалака, но держался очень хорошо, головы не терял. Контрактники ему верили.

– Леша, надо закрепиться вон на тех камнях. – Игнатьев повел левой рукой, которую зацепила пуля, и поморщился. – Оттуда обзор лучше. Если не найти брешь в их рядах, то нам жить всем осталось минут тридцать. Пока патроны не кончатся.

– Прорываться? У нас четверо раненых, товарищ майор! Куда нам с ними...

– Молчи, Леша, и слушай меня! – Майор, побледневший от потери крови, пытался перекричать грохот боя. – Возьми с собой одного бойца, самого крепкого и выносливого. Вам надо вырваться любой ценой. Хоть одному из вас. Связь нужна, лейтенант! Кто-то должен подняться наверх, хоть на триста метров из этого распада. Там рация может взять, понимаешь? Надо вызвать помощь, вертушки. Мы обозначимся ракетой, и они ударят вокруг. Один у нас выход, Леша, другого нет.

Лейтенант несколько секунд смотрел на майора, потом повернул голову и взглянул на нагромождение камней слева и вверх. Оттуда их позицию поливали автоматные очереди. Именно с этого места бандиты уже дважды пытались достать группу из РПГ. Обоих гранатометчиков удалось вовремя свалить пулями.

Игнатьев смотрел, как молодой офицер бросился выполнять приказ. Видимо, лейтенант понял, что это выход. Может не получится, очень даже, но надо пробовать.

– Лис, Кабан, Тайсон! Ко мне.

Трое спецназовцев подползли к лейтенанту, не выпуская из поля зрения окружающие камни. Ломакин оценивающе посмотрел на парней и принял решение.

– Слушать сюда, головорезы. Камни слева видите, где РПГ мелькал? Ставлю задачу: Лис, отдашь аппарат Тайсону. Кабан с Лисом, ждете моей команды. Мы с Тайсоном обеспечиваем огневое прикрытие, вы по команде рвете наверх, забрасываете гранатами и держите высоту, прикрывая нас. Мы с Тайсоном подходим вторыми. Следующий этап: вы прикрываете, мы рвем по склону наверх. Кто-то из нас дойдет до зоны работы рации и вызовет помощь.

– А если вы не прорветесь? – весело спросил Лис, хотя глаза у него были злые, как у сатаны.

– Если бы да кабы. Отставить разговоры! Смотрите, чтобы нас снайпер не срезал. Есть подозрения, что они могли его вызвать.

Парни длинными очередями прижали боевиков так, что они не могли и носа высунуть из-за камней. Короткими перебежками двое спецназовцев двинулись вверх. Группа активизировалась, мешала противнику стрелять прицельно. Три гранаты взлетели в воздух и исчезли за камнями.

Как только лопнул от взрывов воздух и камни под ногами задрожали, Ломакин хлопнул Тайсона по капюшону:

– Пошел!..

Они упали на камни, переводя дыхание. Лис, оскалившись грязным от копоты ртом, дергал Тайсона за капюшон, пробитый двумя пулями. Кабан водил стволом, выискивая цель. Четыре трупа скорчились вокруг, еще трое лежали чуть в стороне. Изуродованный РПГ валялся тут же.

Станным образом стрельба как-то утихла. Что бы это ни означало, но следовало торопиться, пока кто-то из боевиков не догадался о цели этой странной атаки.

Две фигуры рванулись вверх, меняя направление бега и прикрываясь стволами деревьев. Далеко и высоко, а бежать надо быстро. Через пару десятков метров дышалки не хватит, начнутся хрипы, грудь станет разрываться, как будто ты пробежал километров пять по пересеченной местности.

Но все равно надо, ползком, бегом, кувырком!.. Хотя ползком и кувырком нельзя. Это Игнатьев так шутит. Надо только бегом, потому что каждая минута – это чья-то жизнь там, внизу.

Важно все время видеть напарника. Если Тайсона убьют или ранят, Ломакин должен подбежать, схватить рацию и опять броситься вверх. Любой ценой, во что бы то ни стало.

Пули снова защелкали по стволам, отскакивали от камней и с противным воем уходили в небо. Снизу парни снова стали бить по боевикам очередями, короткими и расчетливыми.

Иногда люди теряют ощущение реального течения времени. Тогда какой-то его промежуток буквально пролетает, а другой тянется и тянется. И не будет ему конца. Кажется, что так будет вечно и не хватит сил выдержать все до конца.

Солдат-контрактник по прозвищу Тайсон сразу вырвался вперед. О его выносливости и силе в подразделении ходили легенды. Но и он через несколько минут стал дышать, как запаленная лошадь. Парень оглянулся и увидел, что лейтенант безнадежно отстает. Но приказ надо выполнять. Это шанс для группы, возможность выжить.

Тайсон больше не оглядывался. В какой-то миг он даже понял, что тяжело ему вовсе не потому, что приходится бежать в гору. На его плечи давил слишком тяжелый груз ответственности. Парню приходилось жертвовать тем, что годами вбивалось в плоть и кровь: «взаимовыручка», «спецназ своих не бросает».

В лейтенанта, кажется, попали, потому что он громко вскрикнул где-то там, внизу. Но все равно надо бежать. И за лейтенанта, и за своих ребят, которые умирают внизу один за другим. От него зависит, сколько еще погибнет, а сколько нет.

Потом звено вертушек с ревом вынеслось из-за гор. Они прошли над ущельем, а когда в небо взвилась ракета, легли в боевой разворот. Земля заплескала под ногами живых и телами уже мертвых.

Адский грохот затих. Солдаты стали подниматься, кашляя от пыли и копоти, забивших дыхательные пути. Они обходили свои позиции, заглядывали в лица убитых, оказывали помощь раненым.

Окрепший голос майора Игнатьева приказал срочно поднимать раненых и уходить к вертушкам. Убитых соберут позже, когда сюда высадится рота десантников, которая блокирует и уничтожит банду боевиков.

Тайсон первым подбежал к Ломакину. Лейтенант лежал с раздробленной ногой, которая ниже колена находилась под завалом огромных камней, растревоженных взрывами и обрушившихся вниз. Собственно, нога держалась на одних связках и лоскутах кожи.

– Что ты стоишь! – заорал Тайсону в ухо майор. – Не видишь? Режь! Я приказываю!

Солдат хмуро смотрел на изуродованную и почти оторванную ногу, на смертельно бледное лицо лейтенанта. И без приказа было понятно, что спасти жизнь командира можно только так, отделив остатки ноги от тела. Иначе его просто не вытащить из-под завала.

Конечно, можно попытаться разобрать валуны весом в несколько сот килограммов каждый. Сделать это удастся всего-навсего за пару дней.

Кто-то подбежал с аптечкой. Лейтенанту сделали два укола, и он потерял сознание. Бойцы перетянули ногу жгутом выше колена.

Тайсон вытащил нож.

Гуров приехал в клинику около одиннадцати вечера. Иноземцев, усталый и довольный, встретил его у порога своего кабинета.

– А мне говорят, что ваш блатной приехал. – Он улыбнулся, протягивая руку Льву Ивановичу. – Давай, зайди сначала ко мне, а потом уже пойдешь к своей ненаглядной.

– Что-то серьезное? – насторожился Гуров, с сомнением глядя на вечно довольное лицо кардиолога.

– Не переживай, – похлопывая гостя по плечу и заводя его в свой кабинет, ответил Иноземцев. – Заходи. Лева, я уже сейчас могу совершенно определенно сказать, что у твоей супруги ничего страшного с сердцем нет. Не вдаваясь в подробности и не забивая тебе голову медицинской терминологией, скажу, что, по всем признакам, у нее обычная вегето-сосудистая дистония. Несмотря на то что она у тебя красавица, я напому тебе, Лев Иванович, что ей все равно не двадцать лет...

– А это опасно в дальнейшем? – перебил главврача Гуров.

– Что опасно? – Иноземцев расплылся в улыбке. – Что ей не двадцать лет? Ну, знаешь, обычно женщины с годами становятся только краше. Наверное, для тебя опасно. Поклонники и все такое.

– Жорка, кончай ехидничать! – серьезно сказал Гуров. – Я с работы, устал как собака.

– Учись у меня, – миролюбиво ответил кардиолог. – Я тоже с работы, но мне еще и дежурить сегодня. Я бы тебе посоветовал уговорить Марию хорошенько отдохнуть. Именно сейчас. Свози ее в санаторий...

– А где у нас есть кардиологические?

– Зачем тебе именно кардиологический? Я же сказал, что дело не в этом. Обычный санаторий, нервно-соматический.

– Так дело в нервах, что ли?

– Я тебе полчаса толкую про дистонию. А нервы, Лев Иванович, они в нашем организме всем заправляют и на все оказывают влияние. Знаешь старую как мир поговорку, что все болезни от нервов? Организм изнашивается, и первые признаки как раз и подчеркивают дисбаланс. Витаминчики ей нужны, массажики хорошо бы, ванны сероводородные, выспаться и не думать о работе.

– Это и мне не помешало бы. – Гуров усмехнулся. – Значит, в остальном она здорова. Выписывать будешь?

– Нет, надо обязательно закончить комплексное обследование, разобраться во всех причинах. А таковых может быть много, я же тебе уже говорил. Раз уж твоя супруга попала сюда, так давай доводить дело до логического конца. А насчет полного здоровья я бы на твоём месте не очень обольщался, потому что таких людей на свете просто нет. Ну, почти нет. Людям за сорок обязательно нужно задумываться о сердечно-сосудистой системе. Сердечная мышца изнашивается, сосуды теряют эластичность. Надо вовремя принимать меры. Сосудами заняться и сердечко подкормить. Юность кончилась, Лева, пора понять это. А вегето-сосудистая дистония со временем, если не позаботиться об этом заранее, может привести к аритмии. При ее эмоциональной профессии...

– Понял, Жора, не продолжай.

Маша ждала в своей палате, нанося на лицо какую-то косметическую маску. Она обернулась на вошедшего мужа, очаровательно улыбнулась и капризно искривила губку. Это была игра. Лев Иванович давно изучил тонкости актерской профессии и мог отличить, когда Маша что-то говорила искренне, а когда развлекалась.

– Твой противный Жора не хочет меня отпускать. Сам сказал, что причина не в сердце, запутал меня медицинскими терминами и улыбается.

– Добрый вечер! – Гуров подошел, наклонился и поцеловал Машу в темя. – Как дела?

– Нормально, – ответила жена, сменив тон на обычный. – Если не думать о работе и о том, что Лелька там сейчас делает с моей ролью, то все в порядке.

– Лелька – твоя подруга. – Гуров сделал вид, что не понимает. – Ты не доверяешь ее таланту?

– Скажите, полковник, я когда-нибудь пыталась хоть как-то отозваться о профессиональных качествах вашего друга Станислава Крячко? – Маша с интересом посмотрела мужу в глаза.

– Язва, – с умилением произнес Лев Иванович и нежно прижал к груди голову жены.

– Ну а после обмена комплиментами ты мне расскажешь, о чем вы там шушукались с главным врачом Жоркой Иноземцевым? Ты ведь его называешь именно так.

– Я его называю Георгием Николаевичем. При этом склоняю голову в легком поклоне уважения. Ибо он лечит мою жену, значит, самое дорогое, что у меня есть...

– После твоей работы, – вставила Маша. – Излагай, не томи.

– Опасения мои, к счастью, не подтвердились. С сердцем у тебя ничего особенного не происходит. А в том, что приключилось, виновата всего лишь нервная система. Он как-то там по-медицински загнул, но я не стал напоминать. Просто ты заработалась, устала. Жора настаивает на полном обследовании, с чем я согласился. Надо же, раз уж ты сюда попала, понять в тебе все.

– А ты во мне чего-то не понимаешь? – Маша повернулась к мужу, положила руки ему на грудь, заглянула в глаза. – Я вот тебя знаю как облупленного, вижу за твоим подчеркнуто нежным поведением нечто большее и тщательно скрываемое. Устал, много работы?

– Нет, не больше, чем обычно.

– Что же тебя гложет, мой полковник?

– Твое здоровье, – выпалил Гуров, чуть помолчал и добавил: – Вообще-то, мы сейчас со Стасом занимаемся одним делом. Там много непонятного и тревожного.

– Я чувствую. Тебе надо бежать?

– Нет, что ты, – успокоил ее Лев Иванович и прошелся по палате. – До утра я совершенно свободен. Правда, завтра мне придется уехать из Москвы. Может, на сутки или даже чуть больше. Извини, что завтра не навещу. Но вечером я обязательно позвоню. Слушай, а у тебя тут телевизор с видеоплеером! Может, тебе привезти в следующий раз старые любимые фильмы? Для души!

– Я люблю смотреть их с тобой – на диване, под пледом и щекой на твоей руке. Правда, бывает это пару раз в год.

– Ты тут не хандришь? – с подозрением спросил Гуров.

– Да что ты! – Мария рассмеялась. – Во-первых, я тут отоспалась за весь год. Я не люблю казенные учреждения, а во время гастролей устаю больше от гостиниц, чем от чего-то другого. А тут у них удивительно благоприятная обстановка. Тихие, улыбчивые, по-настоящему добрые медсестры. Ходят такие симпатичные девушки и улыбаются всем. Да и парк у них тут изумительный. Ты представляешь, здесь поют птицы! Я их чуть ли не с рук кормила. Прямо тут! В парке! Сидит пичуга и весь день трели разводит. То на одну ветку перелетит, то на другую. И пациенты спокойные. Гуляют, смирно сидят на лавочках с книгами. Знаешь, я тут заметила, что сердечники чем-то друг на друга похожи. Вообще-то, это не удивительно, потому что когда сердце прихватывает, то каждый пугается скорой смерти. Это накладывает на людей какой-то отпечаток грусти, что ли. Кажется, что они все одинаково задумались о бренности земного бытия.

– Ну, это естественно.

– Я совсем о другом. Характеры и типажи у всех разные, а вот этот определяющий фактор больного-сердечника порой делает с людьми удивительные вещи. С их близкими тоже. Тут лежит один грузный мужчина, сразу видно, что начальник очень высокого ранга. Так вот он напоминает старого доброго льва. Ему уже нельзя быть строгим, пугать людей грозным рыком. Он бродит по аллеям парка и по привычке трясет гривой. В переносном смысле. А еще есть одна дама, наверное, в прошлом балерина или профессиональная танцовщица – по походке видно, по тому, как ступни ставит. Так вот, она напоминает присмирившую газель. Так и кажется, что ей хочется сорваться с места и промчаться по зеленой траве, поиграть. А она сдерживается. Такие вот порывы в движениях прослеживаются.

– Развлекаешься? – Гуров улыбнулся.

– Профессия у меня такая. – Маша вздохнула. – Все, что актер берет в свой образ, конкретную роль, он не выдумывает, а видит в реальной жизни.

– А я на кого похож? На льва?

– Ну, если только на засыпающего прямо на ногах. Езжай-ка ты домой, Лев.

– Знаешь что, – Гуров обнял жену, прижал к себе и вдохнул запах ее волос, – давай-ка я похлопочу там у себя насчет санатория. Представляешь, пару недель ничего не делать, ходить только в пижаме и шлепанцах, а по вечерам чтобы играл духовой оркестр.

– Да, представления у тебя о санаториях, прямо скажем, архаичные. Хотя в этих представлениях есть определенная душевность.

Глава 3

Молодые оперативники вошли в кабинет ровно в десять утра. Гуров ерзал в неудобном кресле, которое для него организовал Крячко, и читал рапорта оперативников по результатам поквартирного обхода.

Кулаков сегодня был без формы. Гуров мельком глянул на старшего лейтенанта и отметил хорошо развитую мускулатуру. Владик Рязанцев снова щеголял в своей легкомысленной курточке, но Лев Иванович решил не исходить желчью по этому поводу. В конце концов, не его это дело. Эта курточка или иная – данное обстоятельство не играет никакой роли в работе оперативника. Если уж быть честным с самим собой.

– Садитесь, не стойте столбами, – велел Крячко, шумно двигая стулья, звеня стаканами и чашками в шкафу, потом громко спросил: – Лев Иванович, сразу парней озадачим или сначала посчитать их будем?

Сыщику было понятно, что Станислав нацелился послать кого-то вымыть чашки и чайные ложки, чтобы попить с утра кофейку. Сейчас это, по мнению Гурова, было не совсем уместно, но делать замечание полковнику в присутствии двух лейтенантов он не стал. Однако Крячко включил какое-то шестое чувство и сам все понял. Он со вздохом выбрался из недр шкафа и захлопнул дверку.

– Очень даже плохо, ребятки, вы отнеслись к нашему заданию, – заявил Станислав, вытирая руки носовым платком. – Бумага, которую сейчас Лев Иванович читает, не более чем отписка. Нам совершенно не нужно, чтобы дело пухло от количества абсолютно любых бумаг. Нам результат требуется, реальные зацепки.

– Из всего вороха рапортов что-то конкретное имеется лишь в двух, – добавил Гуров. – В них упомянуты старик-астматик, целыми вечерами сидящий на лоджии, да подслеповатая бабулька, которая кого-то приняла за своего внука. Опросить повторно и очень тщательно обоих!

– Уже, – тихо и веско ответил Кулаков. – Вчера мы с Владом там были и опросили шестерых жильцов в двух домах, которые выходят окнами на эти развалины. В том числе двоих жильцов, которых не было дома на момент проведения поквартирного обхода.

– Да? – Взгляд Гурова потеплел. – Хорошо, давайте результаты.

Кулаков вытащил из папки несколько листов с объяснениями жильцов, протянул их полковнику и сказал:

– Если разрешите, то я сначала на словах, товарищ полковник. Убежден, что никто ничего конкретного не видел. Мы проверили пять показаний, в которых упоминаются незнакомые мужчины. Все они имеют подтверждение. В двух случаях это были работники местного ТСЖ, в трех – родственники и знакомые других опрошенных людей. Следовательно доложим сегодня, а уж ему придется принимать решение о проведении следственных действий.

– А вам, значит, все и так ясно? – спросил Крячко.

– Никто из опрошенных людей не видел убийцу, – подтвердил Рязанцев. – Задания агентуре раздали, информацию по районам запустили. Ждем приказаний.

– Опа! – Крячко насторожился, прислушиваясь к гомону за стеной. – Виноват, там мои участковые, кажется, собрались. С вашего позволения... – Станислав разве что каблуками не щелкнул.

Гуров проводил взглядом его широкую спину. Позитивный все-таки Крячко человек. Чтобы он пришел на работу в скверном настроении, был не в духе, ворчал, психовал? Такого Гуров не помнил.

Да, Стас мог молча просидеть весь день, погрузившись в себя, неохотно отвечать на вопросы. Но в основном он был весел, находился в приподнятом настроении, как будто именно

сегодня все самое важное для него и свершится. Лейтенанты тоже посмотрели Стасу вслед немного удивленно. Тот шел инструктировать участковых с видом спортсмена, верящего в то, что он сейчас выиграет олимпийское золото.

– Так, ребята, – отложив бумаги и сцепив пальцы на коленях, начал Гуров. – Давайте пробежимся по версиям. Берите ручки и бумагу. Сейчас мы дополним ваши планы работы. У вас самих-то есть новенькие, свежие идеи?

Рязанцев виновато улыбнулся, пожал плечами и заявил:

– Не успели, товарищ полковник. Крутились вчера до позднего вечера, а утром уже бумагу пачкали.

– Тогда слушайте, что мы с полковником Крячко успели вчера придумать, над чем продуктивно поразмыслить.

А Крячко в это время заслушивал старших участковых поселка Видное. Особенно его заинтересовало предварительное сообщение о том, что на двух участках за последнее время пропали из поля зрения двое бомжей. Их судьбы не знали ни друзья, ни сами участковые.

Сейчас майор с большими усами докладывал о том, что на его участке группа из пяти бомжей вполне мирно прижилась на подземном коллекторе. Он рассказывал о них даже с какой-то теплотой.

– Мужики они хорошие, безобидные, лучше выпросят или отработают кусок хлеба, чем возьмут что-то чужое. У них был один довольно скользкий тип, но я быстро оприходовал его на казенные харчи. А эти нет. Они мне, вы уж извините, товарищ полковник, и в делах помогают. Это как дополнительные уши и глаза на участке.

– И долго вы мне будете рассказывать о сути ваших взаимоотношений? – поинтересовался Крячко. – Это все очень интересно и, наверное, поучительно для молодых сотрудников.

– Виноват! – Майор сразу подобрался. – Так вот, пропал у меня один бомж. Главное, дело-то какое. Честно скажу, долго смеялся, когда узнал...

Крячко застонал в голос, мученически закатил глаза, а потом уставился на майора с таким зверским видом, что тот чуть ли не в струнку вытянулся.

– Так точно! – рявкнул майор совершенно иным голосом. – Неделию назад пропал бомж по прозвищу Кулич. Сведений о его местонахождении и планах никто из приятелей данного субъекта не имеет. Выяснилось также, что Кулич оказался женщиной. Просто, товарищ полковник, внешний вид и все остальное нисколько этому факту не соответствовали. Я и подумать не мог, что это женщина.

– Садитесь, – пробурчал Крячко. – Вы, видимо, вообще плохо разбираетесь в половых признаках. Напомню, что у нас найдено обезглавленное тело именно мужчины. Со всеми соответствующими признаками. Еще у кого-то есть сообщения?

– Разрешите? Капитан Сергушенко, – поднялся усталый молодой офицер. – У меня на участке пропал жилец частного дома. Близких родственников у него нет, соседи сведений не имеют. Я оформил через уполномоченного по розыску с разрешения начальника отделения...

– Опишите пропавшего, – перебил Крячко капитана.

– Мужчина, на вид шестьдесят лет, грузный, лысый, походка тяжелая из-за больных ног. Лицо красное...

– Достаточно! – остановил Крячко капитана и обвел присутствующих сожаляющим взглядом.

При этом многие нахмурились и опустили головы.

– Достаточно, капитан Сергушенко. Я сейчас слушаю вас, товарищи офицеры, и борюсь с желанием вернуться в главк и инициировать проверку работы вашей службы по всем параметрам. Меня крайне удивляет, товарищи старшие участковые уполномоченные, ваше отношение к ориентировкам. Речь в них идет о преступлении, которое может оказаться первым в чреде

деяний серийного убийцы. Вы не поняли смысла циркуляра? Или настолько заняты какими-то своими делами у себя на участках, что проблемы внешнего мира вам по большому барабану?

В комнате воцарилась мертвая тишина. Крячко обвел офицеров взглядом, убедился в том, что нужный эффект произведен. Он понял, что теперь участковые начнут-таки работать по этому делу именно так, как от них того ждут московские сыщики.

– Учтите, что я, представитель министерства, вами крайне недоволен. Мне не хотелось бы ставить вопрос о служебном соответствии кого-то из вас.

Добавив этот последний штрих, Крячко продиктовал задание, которое надлежало выполнять на каждом участке: обойти все территории, на которых обитают бомжи, побеседовать с каждым из них. Выяснить, не пропал ли кто, не слышно ли в их кругах о человеке, который убивает бомжей, угрожает им, терроризирует. Вполне возможно, что некий ненормальный человек просто почему-то решил так напугать эту прослойку населения без определенного места жительства.

Полковник Крячко приказал участковым не упускать из виду любую информацию о человеческих останках или фрагментах тел, даже пущенную в шутку. Он велел тщательно, кропотливо собирать сведения обо всех лицах с неадекватным поведением. Не важно, стоят они на психиатрическом учете или нет.

Планы работ по этим направлениям каждому участковому надлежало подготовить к вечеру и подать руководству. Отчитываться ежедневно.

Потом Крячко отпустил инспекторов, но попросил задержаться четырех человек, участки которых граничили с местом обнаружения обезглавленного трупа. Теперь он уже не разыгрывал из себя большого свирепого начальника, прибывшего из министерства. Он попросил офицеров сесть поближе, пододвинул стул и устроился прямо перед ними.

– Так, ребята, к вам разговор особый, – начал Станислав. – Территории, обслуживаемые вами, соседствуют с местом преступления. Я на девяносто процентов уверен в том, что погибший откуда-то из ваших епархий. Не могу я уложить в голове, что кто-то вез труп в машине за тридевять земель, чтобы вывалить его в заброшенном недостроенном курятнике, разваливающемся в городке Видное.

– Нет, почему же?.. – некий майор пожал плечами. – Я знаю случай, когда труп почти год возили в багажнике. Правда, в хорошо упакованном виде.

– Нет, вы никак не поймете! – Крячко поморщился. – Не хотите согласиться. Все потому, что приехал какой-то полковник аж из министерства...

– Зря вы так, товарищ полковник, – все тот же майор покачал головой. – Вас и Гурова многие знают лично, все до единого о вас слышали.

– Ладно. Начнете еще сейчас дифирамбы петь, – отмахнулся Крячко. – Вы посудите сами, вспомните тексты ориентировок, описание в информационном сообщении, которое прошло по отделам. Убийца показал себя как личность, весьма предусмотрительная во всех отношениях. Это не шизофреник, который убил жену, расчленил тело в ванной, слил кровь в канализацию, а мясо по кускам вынес на свалку. Тут все предусмотрено до таких мелочей, что я бы сказал, что работал профессионал, вплоть до того, что это либо опытный преступник, либо такой же полицейский. Ведь не просто же так он выбрал заброшенный недостроенный птичник. Этот субъект присмотрел именно такую развалину, к которой ведет грейдер из старого щебня. Он совсем не оставил нам следов. Так что отнеситесь серьезно к этому делу, пока мы не получили второй труп.

– А мы его все равно получим, – высказался молодой капитан с седыми висками. – Если пошла серия, то второго не уследим. Третьего или четвертого еще можем не допустить, а второй нам гарантирован. И не говорите мне про типун на язык. Я в двух таких расследованиях участвовал за свою жизнь. Второго сам брал с помощником.

– Ладно, – согласился Крячко. – Не об этом сейчас надо говорить. Слушайте, что вам нужно сделать обязательно и в самые кратчайшие сроки. Можете и не записывать, если не хотите, потому что по вашим отделам бумага уже пошла. Вы все равно эти планы получите. Вам надлежит предупредить общественность, домовые службы, все детские учреждения. Побеседовать с руководством. Главное, чтобы были заперты подвалы, чердаки и иные доступные скрытые помещения хозяйственного и ремонтного назначения. Но предварительно все эти места необходимо проверить. Голова и кисти рук – это не иголка, если вдуматься.

– Прочесывать нужно, – снова вставил капитан.

– Что, где прочесывать? – не понял майор.

– Товарищ капитан совершенно прав, – подтвердил Крячко. – И в планах этот пункт у вас будет. Необходимо собрать всех возможных помощников, кого только сумеете. Поговорите с руководителями на предприятиях, в вузах. Вам видней на местах, с кем побеседовать. Вы не первый день работаете в полиции и в состоянии представить, где преступник может спрятать отсеченную голову и кисти рук. Вот эти места и нужно прочесать со всей тщательностью.

– Да, я бы на его месте не стал прятать такое в подвалах жилых домов, – согласился майор. – Не для того он голову и руки отсекал, чтобы через неделю все это нашли по запаху разложения. Если преступник решит избавиться от них, то спрячет только в том месте, где есть гарантия, что никто случайно не найдет.

– В лесных массивах не трудно закопать. Но с собаками попробовать можно. У меня на участке есть общественный местный клуб собаководов.

– Вот-вот, – одобрил Крячко. – Думайте в этом направлении.

Димыч, так местные бомжи звали тракториста городской свалки, был мужиком с понятиями. Если уж людей мачеха-судьба забросила сюда, раз уж она вышвырнула их из обычной жизни на помойку, то тому были основания. И не ему судить. Не зря ведь в нашей стране веками бытует одна нехитрая поговорка: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

На городской свалке обитали шестеро мужиков и три бабы. Жили они коммуной, по определенному распорядку и довольно дружно. Эти люди были даже трудолюбивыми, хотя, конечно, по-своему.

День начинался с того, что общество выползло из своего, извините, дома на свет Божий и отправлялось встречать первые мусорные машины, прибывающие из города. Димыч приезжал на работу к восьми и всегда терпеливо ждал, когда Мирон – старший в этом обществе – давал ему отмашку. Потом тракторист начинал потихоньку разравнивать, растаскивать именно те кучи мусора, в которых бомжи уже порылись и все ценное оттуда выудили.

Жило общество вполне дружно и по-своему счастливо. Еще пять лет назад они вместо большого шалаша выстроили себе приличный утепленный сарай. А уж в мебели недостатка здесь не было. Старые ободранные и продавленные диваны, облезлые кресла, поломанные стулья и столы на свалке имелись в избытке.

Чужаков тут не бывало. Туземцы давали твердый и уверенный отпор потенциальным нахлебникам, хотя женщин привлекали.

Сначала тут жила со всеми одна лишь Наташка, тетка лет сорока или шестидесяти. Причем, как понял Димыч, именно «жила». В том смысле, что вступала в сексуальный контакт с любым мужиком из общества. Это было ее платой за крышу над головой, еду и защиту. А потом пригрелись еще две девахи. Этим было, наверное, лет по тридцать, и жизнь Наташки стала намного легче.

Часов в десять утра бомжи отправлялись в город за добычей. Они перебирали мусор в баках возле жилых домов, продовольственных магазинов. У них была какая-то договоренность о ненападении с тамошними бродягами. Потом они возвращались домой.

Часам к шести у них всегда было что пожевать, да и чем запить. Они ели, выпивали, подолгу сидели у костра, ведя какие-то свои неспешные, спокойные разговоры. Одним словом, мирный и тихий был люд.

Но сегодня Димыч приехал на работу, еще не успел завести свой бульдозер и вдруг услышал истошный женский крик, а потом яростный собачий лай и грызню. Он вылез из кабины и посмотрел туда, где сегодня утром мусоровозы вываливали содержимое своих контейнеров.

Там страшно визжали две бомжихи. Они бежали к своим мужикам, то и дело падая в мусор. А собаки, до этого вполне мирно сосуществовавшие с людьми на этих благах цивилизации, злобно кидались друг на друга, катались в кучах отбросов, носились с оскаленными мордами и что-то рвали друг у друга.

Только минут через пятнадцать Димычу удалось выяснить, что собаки нашли и разодрали пакет, в котором находилась человеческая голова. Может, в других пластиковых мешках лежало и тело, только разрезанное на куски. Бомжихи видели, как собаки дрались из-за страшной белой человеческой кисти с посиневшими ногтями.

Димыч отправился было посмотреть на это, но потом почувствовал какой-то холодок в самом низу живота. Он решил, что лучше позвонить в полицию и закрыть ворота, пока собаки не утащили свою страшную находку за пределы свалки.

– Товарищ полковник! – К Гурову подошел старший лейтенант в безупречно чистой и отутюженной форме. – Я должен доложить полковнику Крячко, но не могу его найти.

– Что у вас? – Лев Иванович остановился посреди коридора и повернулся к молодому офицеру.

– Старший лейтенант Осипов, – представился тот. – Участковый уполномоченный. На моей территории пропал гражданин. По приметам подходит под описание убитого.

– Даже так? – Гуров внимательно посмотрел на старшего лейтенанта, прикидывая, насколько вероятно, что это не пустышка. – Давай-ка зайдем в кабинет.

– Он проживал на Первой Садовой в доме двадцать один, – начал участковый, не дожидаясь вопросов. – Сегодня утром во время обхода адресов, по которым зарегистрированы сильно пьющие мужчины, попадающие в группу риска и по другим признакам, я встретил гражданку Лыжину. Она была заплакана.

– Подождите, Осипов, – остановил Гуров участкового. – Вас как зовут?

– Вадим. – Старший лейтенант немного растерялся.

– Вадим, а попробуй говорить не языком протокола, а нормально, – проникновенно сказал Гуров. – Как если бы ты рассказывал это все приятелю, коллеге, просто так, между делом. Ну, попроще.

Осипов замялся, поскреб указательным пальцем под фуражкой, а потом снял ее и положил на стол.

– Знаете, жена дома и та стала делать замечания по поводу моей речи. Вы же знаете, сколько бумаг приходится составлять участковому. Жуть! Вот и привыкаешь излагать казенным языком. Значит, так, Лыжина разговаривала у подъезда с соседкой, когда я подошел. Семья Лыжиных у меня была в списке, потому что муж нигде не работал, пил, как говорится, вел асоциальный образ жизни. Соседка меня увидела и тут же предложила Лыжиной, чтобы она вот мне, участковому, и сообщила. Мы разговорились. Оказалось, что у Лыжиной три дня назад пропал муж.

– Раньше не пропадал?

– Бывало и раньше, но тут сердце подсказывало, что беда приключилась. Да, по описанию ее супруг подходит под вашу ориентировку. Я первым делом взял у нее фотографию мужа и сразу к вам. Даже опрашивать не стал, чтобы времени не терять. Решил, что вы сами захотите с ней побеседовать.

– Решил правильно, – одобрил Гуров, беря протянутую фотографию, которая, судя по всему, делалась на паспорт. – Да, по внешним признакам подходит. Хорошо, Вадим, поехали к твоей Лыжиной. Я сейчас свяжусь с полковником Крячко и скажу ему, что отъеду. – Сыщик набрал на мобильнике номер Станислава, но в ответ услышал короткие гудки.

Рассматривая снимок, Гуров подумал, что Лыжин фотографировался, видимо, для замены паспорта по возрасту. Значит, ему сорок пять стукнуло. Совпадает. Лицо худощавое, шея обычная, плечи не выглядят атлетическими. По телосложению, наверное, тоже подходит. Физиономия осунувшаяся, а при наличии бритого черепа внешность вообще неприятная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.